

Тихомирова Елена Евгеньевна

Кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии ИИГСО ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», imktikhomirova@mail.ru, Новосибирск.

НОРМАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ШКОЛЬНЫЙ КУРС «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»¹

Аннотация. Автор предлагает свое видение пространства современной культуры, отраженное в зеркале языка. В статье делается попытка обосновать возможность применения языковых практик в курсе «Основы религиозных культур и светской этики» в условиях деформации бинарных оппозиций в пространстве современной культуры. Предлагается методика актуализации этических универсалий через язык и текст как вариант введения учащихся в нормативное пространство традиционной культуры.

Ключевые слова: языковые универсалии, культурные универсалии, этические универсалии, бинарная оппозиция, культурная норма.

Tikhomirova Elena Evgenyevna

Candidate of cultural science, associate professor of the theory, cultural history and muzeology of Novosibirsk State Pedagogical University, imktikhomirova@mail.ru, Novosibirsk.

STANDARD SPACE OF MODERN CULTURE AND SCHOOL COURSE «BASES OF RELIGIOUS CULTURES AND SECULAR ETHICS»

Abstract. The author offers the vision of space of the modern culture, reflected in a language mirror. In article attempt to prove possibility of application language practical in the course «Bases of Religious Cultures and Secular Ethics» in the conditions of deformation of binary oppositions in space of modern culture becomes. The technique of updating of ethical universal through language and the text as option of introduction of pupils in standard space of traditional culture is offered.

Keywords: language universal, cultural universal, ethical universal, binary opposition, cultural norm.

1990-е годы в России характеризовались демонтажем советской идеологии, поспешным копированием западных образцов не только в экономике, но и в культуре, в образовании. Собственно же образование предполагает выстраивание вектора взращивания человеческого в человеке, уход от природного к духовному, создание образа человека, что происходило веками (а без этого образа он становится *без-образ-ным*). Создание образа человека связано с введением его в культуру, которая рассматривается как поле запретов [6, с. 563, 569], которое контролировалось в ранних обществах ритуальными запретами, затем запретами религиозными,

а потом моралью и правом. В секулярном обществе трансцендентный эталон вынесен за скобки человеческого бытия, а если и возникает, то по сути дела, он лишен всех своих основных функций, а поэтому не признается необходимым. Новый предмет «Основы религиозных культур и светской этики» должен преследовать общую цель: нравственное воспитание российских школьников на основе традиционных идеалов и ценностей, развитие их интереса к окружающему миру, формирование уважительного отношения к представителям различных конфессий, укрепление толерантных отношений между участниками образовательного процесса»

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 годы.

[7, с. 3]. По задумке авторов, учебный предмет носит комплексный, абсолютно светский, культурологический характер. С нашей точки зрения, его главная цель – ввести младшего подростка в системное, иерархичное, нормативное пространство культурной традиции.

Правовое пространство этого курса обеспечено мощной законодательной базой, однако единой точки зрения на его эффективность ввиду слабой разработанности терминологии и сложности предмета, требующего мощных интеллектуальных и эмоциональных усилий, нет. Кроме того становится очевидным, что на эффективность курса существенным образом влияет собственно состояние современной культуры, в которой формируется личность ребенка. Нарушение семейной иерархии, основной ячейки общества, исторически предназначенной для трансляции культурных норм, привело к деформации семантического поля терминов родства, то есть деформации культурной универсалии, напрямую связанной с этическими предписаниями уважения, почитания, пиетета. В обыденную речь переключались из детских «книжек о вредных советах» *мамонта и папонта*, обезличенные *предки, родаки, родичи* и даже *черепа* присутствуют в молодежном сленге.

Деформация категории императива (распространение деформированных глаголов *покажь, ехай, положи*) как языковой и культурной универсалии, привела к снижению и неэффективности волюнтаривной функции языка. Возможно, в связи с этим стираются оппозиции и смысловые доминанты внутренних психологических установок: *могу – хочу – должен*. То есть стираются бинарные оппозиции, лежащие в основании языка как первичной и универсальной кодирующей системы, а затем и культуры.

В этой ситуации должно прийти понимание, что необходимо заново выстраивать, то есть реконструировать практически с нуля, бинарные оппозиции как системообразующие, сквозные характеристики языка и культуры, находящейся сегодня на периферии обыденного сознания. Поскольку одной из задач курса «Основы религиозных культур и светской этики» является обращение к традициям культуры, религиозных культур, языка, то обращение к выстраиванию би-

нарных оппозиций в культурологическом плане представляется достаточно эффективным для достижения этой задачи. Учитель на конкретных примерах художественных, изобразительных, архитектурных текстов наполняет бинарные оппозиции этическими смыслами, представляя их имплицитно, показывая, что эти смыслы транслируются от поколения к поколению, являются базовыми смыслами человеческой культуры в целом.

Бинарная оппозиция – это универсальное средство членения мира, способ подачи информации о мире человеческим сознанием. Маркирование границ бинарной оппозиции – это, возможно, обозначение границ мира, причем в разных плоскостях. Бинарная оппозиция представляет собой и границы культурной нормы *можно – нельзя*, в том числе, границы нормы поведения. Двоичность восприятия окружающего мира обусловлена природными причинами, и прежде всего тем, что мозг человека сформирован как двухполушарный: с функциональной асимметрией полушарий. Вяч. Вс. Иванов полагает, что основы функциональной асимметрии передаются генетическим кодом и вместе с тем служат (для каждого члена общества) нейропсихологической основой для продолжения культуры [3, с. 382]. Понятие бинарной оппозиции, системы бинарных дифференциальных признаков лежит в основе любой картины мира. Эти признаки носят универсальный характер и это следует регулярно подчеркивать при чтении, реализации проектов, говорении, рассматривании, рисовании: верх – низ, мужское – женское, жизнь – смерть, счастье – несчастье, правый – левый, хорошее – дурное, близкое – далекое, прошлое – будущее, здесь – там и т. д. Поэтому курс «Основы религиозных культур и светской этики» должен создать возможность для формирования представления нормативного поля культуры: увидеть, *как должно быть*, потому что, *как есть*, дети видят каждый день за порогом школы. Данный курс предоставляет возможность для самоидентификации в пространстве современной культуры: адекватное представление о теле, половой идентификации, своем имени, потребности к притязанию быть любимым, психологическом времени личности, социальном пространстве личностных отношений.

В современном обществе многие этические универсалии весьма размыты. Очевидна необходимость их актуализации. Это, с нашей точки зрения, возможно сделать средствами самого языка, его универсальных структур, над которыми надстраиваются универсалии культуры. Конечно, говоря об учебном курсе, направленном на воспитание уважения, терпимости, терпения, знакомство и осмысление основ религиозных культур и светской этики в средней школе, мы можем и должны обращаться к образцовым текстам, вошедшим в сокровищницу мировой культуры, и весьма актуально звучащим сегодня: «Приклони ухо твое, и слушай слова мудрых, и сердце свое обрати к моему знанию..., утешительно будет, если ты будешь хранить их в сердце твоём, и они будут также в устах твоих» (Притч., 22. 17 – 18). Именно здесь следует увидеть основное предназначение работы в этом направлении: учить слушать и слушать «другое», вступать с ним в диалог на основе культурных универсалий.

Анализируя собственно школьную программу, с одной стороны, можно отметить движение в сторону совершенствования коммуникативных (устных, речевых) компетенций учащихся, с другой – сокращение роли знаниевого компонента. Собственно такая ситуация свидетельствует о выдвигании на первый план коммуникативной функции языка и смещении когнитивной функции из ядра на периферию. Очевидно, что в процессе преобразования российского общества на первый план вышли речевые, устные навыки: формы монолога, диалога и полилога. Однако собственно содержание большинства культурных универсалий, как показывает школьная практика, у школьников размыто.

В связи с этим необходима систематическая работа над актуализацией языковых, культурных, этических универсалий средствами языка, поскольку в нем самом уже заключены универсальные этические элементы, присущие всем языкам мира. Они являются регуляторами культурных норм. К этим регуляторам можно отнести термины родства, определяющие иерархичность человеческих отношений, наличие языковой оценки, при этом положительно или отрицательно оцениваются не все явления,

а лишь имеющие значимость не для себя, а для другого. Сама нравственность, вероятно, возникает на стыке языковых и поведенческих схем: гнев становится негодованием, страх – стыдом и т. д. Кроме того наличие такой грамматической категории как императив тоже подчеркивает конституирующую функцию языка в становлении нравственности, или, во всяком случае, их теснейшее взаимовлияние.

Усвоение содержания культурных универсалий, построенных на бинарности, репрезентируемых в лексических единицах, требует обращения, в первую очередь, к авторитетным толковым словарям и может строиться по следующему плану:

- 1) выявление спонтанных словесных реакций;
- 2) изучение возможных этимологий;
- 3) знакомство со значением слова в языковых словарях;
- 4) важными для русских концептов являются культурные связи с древнегреческим и латинским языком, поскольку генетические связи оказываются вполне живыми;
- 5) выяснение контекстуальных смыслов и дополнительных значений в пословичном фонде русского языка;
- 6) наблюдения за вариациями смыслов в паремиологических сентенциях разных народов.

В языке и культуре пословицы, поговорки, загадки, приметы, хозяйственные, правовые, медицинские изречения, пожелания (паремии) хранят глубинный опыт и древнейшие представления о мире, отобранные этническим сознанием и сохранные во времени как механизм регулирования деятельности человека. В паремиях дети учатся находить, осмыслять и примерять к своей деятельности бинарные оппозиции:

- разные стороны одной и той же вещи (*содержание – форма, целое – часть, начало – конец, начало – продолжение, вещь – призрак, верх – низ*);
- физически разные объекты (*большое – малое, длинное – короткое, высокое – низкое, один – два, свое – чужое, родные – неродные*);
- разные вещи, которые не могут существовать друг без друга (*акция – реакция, порождающее – порождаемое, производитель – производимое, основное – сопутствующее*);

ющее, причина – следствие, труд – результат, цель – результат);

• наиболее частые пересечения элементарных тематических пар и поэтому могущие рассматриваться в качестве самостоятельных (*качество – количество, сила – право, сила – ум, ум – рост, ум – возраст, красота – любовь, усердие – судьба, видеть – слышать, внутрь – наружу и т. д.*).

Паремии учат детей отмечать :1) детали логических связей; 2) отношение зависимости между двумя объектами; 3) отношение вещей и их свойств. Паремии с помощью языка отражают универсальные ситуации, вещи, суждения, умозаключения. Паремиологический фонд дает основной набор представлений о реалиях мира, полный набор логических конструкций и лингвистических образов различных типов. Они дают правила для практического руководства ума – правила житейского логического оперирования [8, с. 199-213].

Бинарная оппозиция, исторически закодированная на фонетическом уровне в чередовании гласных *o/e*, была основной особенностью индоевропейской системы гласных и приобрела конкретный смысл, относящийся к грамматической семантике. Чередование *o/e* (о нем младшие школьники узнают на уроках русского языка), начинает разграничивать две базовых категории: существительное – глагол (в терминах грамматики), семантику и предикативность (в терминах семиотики), материю – движение (в терминах философии материализма). Это фундаментальное противопоставление является *языковой универсалией*: основное противопоставление классов форм «имя – глагол» «является универсальным, хотя и не всегда на одном и том же уровне» [9, с. 70]. Чередование *o/e* обладает наибольшей информационной емкостью, уже насыщено информацией о мире, необходимой для выживания человека. Обнаруживается связь субъект – действие. Причем, если обратиться к протомодели языка [4, с. 308 – 310], согласно которой исходной единицей языка является не название вещи, а целостное высказывание, фраза, состоящая сначала только из минимальной значимой единицы (синкреты), получается, что мысль идет от синкретизма к анализу, дифференциации значений. С. Д. Кацнельсон вводит

понятие «синкреты» – синкретичного слова в речи ребенка, которое отмечает событие в целом [Там же, С. 374] и которое со временем, с развитием речи и мышления ребенка расчленяется на событие и его предметную основу, выделяются специализированные событийные слова, с одной стороны, и предметные, с другой. Очевидно, что это имеет принципиальный культурный смысл, так как культура, по сути, и есть деятельность по освоению мира. Категоризация же человеческой деятельности, уточнение видов действия, способов действия – это уже следующий шаг по рациональному освоению мира. Далее на базе бинарных оппозиций, их объединения по различным основаниям происходит синтез – выстраивается иерархия оппозиций по принципу их информационной емкости важной для выживания человека.

Наращение семантики как таковой от уровня к уровню нанизывается на стержень бинарных оппозиций. Наиболее абстрактные, грамматические значения, выраженные фонетическим чередованием *o/e*, имеют отношение уже и к морфологическому уровню, где фонемы рассматриваются как элементы построения морфем и словоформ. Бинарную оппозицию как базу построения всех уровней рассматривает Н. И. Жинкин: «Подобно тому, как морфемы различаются бинарно по дифференциальным признакам и бинарно противопоставляются в словах, так и бинарно различные формы одного слова в словах бинарно интегрируются в грамматическом пространстве» [2, с. 43].

Вслед за пражской лингвистической школой, мы рассматриваем всякую грамматическую оппозицию как бинарную оппозицию (например: настоящее время – не настоящее время; здесь – не здесь; теперь – не теперь и т. д.). Семантика естественного языка закрепляет результаты отражения и познания объективного мира и достигнутые в общественной практике людей. В европейской культуре выработаны понятия «быть» – «иметь», «время», «прошлое» – «настоящее» – «будущее», «форма» – «содержание» и др. Они выражаются соответствующими словами и грамматическими формами во всех индоевропейских языках. Противопоставление объекта и признака, объекта и процесса универсально во всех языках, а, следовательно, религиях и культурах. На-

пример, при осмыслении тем «Свобода» и «Долг» очень важно выстроить субъектно-объектные отношения; *свобода для чего* и *свобода от чего*; *мой долг* и *долг мне*. Такие построения на уровне языка позволят выявить исторически сложившиеся в религиозных культурах границы поведения, высветят их этическую сущность.

Дж. Гринберг выделил универсалии порядка слов в предложении. На базе анализа его моделей автор заключает, что компоненты S (субъект), V (действие), O (объект, окружающий мир) в различном сочетании присутствуют во всех языках и, следовательно, культурах. Достраивая положения об универсалиях, автор делает вывод, что на глубинном уровне языка универсалией является матрица S – V – O, в которой отражено сознание человека. Она максимально согласована со способами использования языка в качестве орудия жизнедеятельности человека, т. е. в ней сосредоточено культурное содержание. Отражающая положение человека в Универсуме, воплощенное в культурной норме деятельности, эта матрица и является основанием, языковой культурной нормой, организующей иерархию всех языковых универсалий. В языках эта вершина (S – V – O) есть квинтэссенция всех смыслов, самый глубинный, общезначимый смысл – культуросообразный. Это – языковая *культурная универсалия*. С одной стороны, она является *языковой* универсалией: такая структура (в различном порядке следования) выявлена во всех языках мира; с другой – *культурной* универсалией: указывает на системную встроенность субъекта S в универсум (O) через действие (V), описывает системный характер деятельности человека, предполагающий адекватность взаимоотношений мира и человека. Деформация матрицы S – V – O, возможно, нашла отражение в изменении грамматического оформления существительного *учитель* в русском языке. Исторически для одушевленных существительных мужского рода во множественном числе требовалось окончание *-и*: *просветители*, *строители*, *водители* и т. д. Однако уже в начале XX века наблюдается дифференциация форм *учители* – *духовные наставники*, и *учителя* – *школьные преподаватели*.

Появление форм на *-а* классик русского языкознания В. В. Виноградов связывает

не только с влиянием собирательных существительных (*профессура*, *аспирантура*), но и со стилистическим противопоставлением форм (*выборы* и просторечное *выбора*, *договоры* и *договора* и т. п.) [1]. Однако для одушевленных существительных, как представляется, возможна и иная интерпретация форм. В древнерусском языке появление форм на *-а* связывается с влиянием форм существительных среднего рода, где это окончание исконно (*поле* – *поля*, *окно* – *окна*). Если исходить из такого объяснения, то форма «учителя» отражает снижение степени субъективности школьного учителя. Они рассматриваются обществом как функционирующие нетворческие единицы, исполнители роли, заданной кем-то, звено социального механизма, «винтик» государственной машины, который легко заменить. Наблюдается целый ряд таких форм, где человек остается только ролевым субъектом: *мастера* (профессионального обучения), *писаря* (просторечное), *профессора* (именно их выслали и репрессировали в 20-е – 30-е годы в первую очередь) и т. д.

Исторические этапы выработки нормативного поведения, описываемого языковой культурной универсалией S – V – O и синтаксическим строем индоевропейского праязыка, выражены в разных моделях предложений (по активности/неактивности субъекта/предиката) и в степени корреляции между языковыми и философскими конструкциями (по ступеням самосознания человека в мире – Ю. С. Степанов). Ведущее место в кодировании социальной информации принадлежит универсальным языковым моделям речевой деятельности (М. К. Петров). В ней выражается взаимоотношение человека с миром. Для выживания человеку необходимо адекватно воспринимать его. Адекватность же, в свою очередь, заключается в целостности этого восприятия, выявлении границ *от...и до...* культурной деятельности, по сути, противопоставляя культурное и внекультурное. Концепт *границы*, вероятно, является коренным для нравственного отношения к миру. Он имеет конкретный пространственный образ *борозды*, *межи*, *стены* и соотносится с культурной универсальной бинарной оппозицией *свой* – *чужой*. Поиск границ поведения, ее осознание и принятие ограничения, то есть принятие нормы дея-

тельности возможен через язык, обращение к религиозным традициям и культурным нормам, транслируемым классическими текстами. Концепт «границы», вероятно, является коренным для нравственного отношения к миру: «Когда исчезает из глаз тропа, по которой мы шли, прежде всего, мы оглядываемся назад, чтобы по направлению пройденного угадать, куда идти дальше. Двигаясь ощупью в потемках, мы видим перед собой полосу света, падающую на наш дальнейший путь от кого-то сзади нас. Эта проводница наша – история с ее светочем, с уроками и опытами, которые она отбирает у убегающего от нас прошедшего» [5, с. 25].

Таким образом, словесная техника, выстроенная на основе реконструкции бинарных оппозиций, языковых и культурных универсалий в языке, религиозных и культурных текстах, описывающих адекватное включение человека в мир, его иерархии и его системные связи, даёт возможность вступать в диалог с миром, иным человеком, а самое главное, с самим собой, что собственно соответствует задачам, поставленным курсом «Основы религиозных культур и светской этики», требованиям ФГОС к личностным, предметным и метапредметным результатам обучения.

Библиографический список

1. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове: учебное пособие для вузов – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
2. *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации – М.: Наука, 1982. – 157 с.
3. *Иванов В. В.* Избранные труды по семиотике и истории культуры: т. 1. Очерки по предистории и истории семиотики. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 605 – 811.
4. *Кацнельсон С. Д.* Категории языка и мышление. – М.: Яз. слав. культуры, 2001. – 852 с.
5. *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9-ти тт. Т. IX. Материалы разных лет. – М.: Мысль, 1990. – 525 с.
6. *Лотман Ю. М.* Культура и интеллигентность // Психология личности / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др., М.: «Аст»; «Астрель», 2009. – 624с.
7. Основы религиозных культур и светской этики: Брошюра для родителей. – М.: Просвещение, 2009. – 24с.
8. *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. – 235 с.
9. *Хоккет Ч. (Ф.)* Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1975. – С. 45 – 76.